

Снятая с Линя белая рубашка тоже горела, кровь чертила по ткани ритуальный круг, который в отблеске огня сворачивался и чернел. Когда раскалённое пламя должно было уже коснуться его самого, запыхавшийся темноволосый ритуалист отбросил остатки ткани размером с ладонь, выхватил из-за пояса пистолет и, сжав его обеими руками, прицелился.

Бах! Бах! Бах! Бах! Бах! Бах! Бах!

Линь полностью выпустил магазин — если бы мог, он бы вложил в каждую пулю заклинание «Пронзание зла».

«Сначала ты не понимаешь святосветных рыцарей, затем познаёшь святосветных рыцарей, а потом и становишься святосветным рыцарем».

Жаль, что он не владел «Пронзанием зла».

Нарисованный на белой рубашке в спешке ритуал являлся всего лишь простым «Зажиганием святого пламени». Этот ритуал тоже обращался к Дракону Света, но, в отличие от ритуала «Свет из тьмы», свет от святого пламени не нёс в себе воли сжечь зло и скверну. Он предназначался для рассеивания тьмы и лишь слегка подавлял злые существа, находящиеся под светом.

Причина, по которой Линь выбрал именно этот ритуал, была проста — он не требовал никаких ритуальных материалов.

«Даже если у тебя ничего нет, стоит воззвать к свету — и свет снизойдёт».

Линь понимал, что сам виноват в своей беспечности, как и те инквизиторы, которых он видел по пути — уснувшие, словно под действием чар. Он совершил ту же ошибку, решив, что при повышенной охране центрального отделения Инквизиции даже при нападении культисты не смогут застать их врасплох.

Поэтому, отправившись вчера вечером на встречу с отрядом Песнелета, он не взял свою книгу таинств и чемодан, а лишь небольшой запасной блокнот и старое зеркало, засунув оба предмета в карман брюк — на крайний случай они могли заменить книгу.

За секунду до того, как трамвай врезался в стену, Линь выпрыгнул из окна, но взрывная волна от детонации швырнула его обратно — прямо в стену здания на противоположной стороне улицы. Осколки оконного стекла осыпались сверху, оставив на его теле множество порезов.

«...Почему же мне так не везёт в последнее время? Хоть я и тёмный бог, я не сделал ничего плохого, за что мне всё это?»

Голова гудела, мысли металась; но, чувствуя, как теряет силы, Линь перевернулся, опустился

на колени и, стянув с себя одежду, нарисовал своей ещё не засохшей кровью уменьшенную копию ритуального круга.

Он должен был выбрать ритуал без материальных компонентов, с максимально простым рисунком круга, и, наконец — увидев, как рельсы превратились в извивающиеся корни, — выбрал «Зажигание святого пламени».

Теперь же...

Вспомнив, что обязанность ритуального подразделения — запустить Большой запечатывающий ритуал, и, к счастью, оказавшись недалеко от второго сектора, Линь добрался до здания, по лестнице вбежал наверх — и увидел, как Листчес протягивает руку к Яркитоге.

Он воззвал к святому пламени.

Хотя это пламя и не обладало большой разрушительной силой, а лишь очищающим действием, лозы и ветви всё равно отпрянули в ужасе, а Листчес, пытаясь подавить их инстинкт бежать от света, подставил голову и грудь под семь выстрелов Линя.

Выданные ритуалистам пули были не обычными армейскими, а зачарованными — изготовленными алхимиками, и потому чрезвычайно дорогими, но и гораздо более смертоносными, чем огонь святого пламени.

Хотя пистолет Линя являлся малокалиберным, пули пробили в теле Листчеса семь кровавых отверстий — в груди, в животе и в голове. Особенно удачным оказался последний выстрел: обычно не отличавшийся особой меткостью, Линь на этот раз будто действовал под предводительством самой судьбы — пуля попала под правое веко Листчеса, оторвав часть скулы и пол-уха.

Но глаз, который по всем законам должен был быть повреждён, лишь окрасился в красный цвет. Его белёсая поверхность, отражающая свет, казалась особенно твёрдой под мерцанием коридорных ламп.

Листчес посмотрел на Линя.

Он больше не обращал внимания на очищающее пламя, которое спокойно горело на его теле. Две белые сферы, теперь лишь по размеру напоминавшие глаза, яростно впились взглядом в темноволосого ритуалиста, причинившего ему такую боль.

Линь, встретившись с ним взглядом сквозь повязку, почувствовал лишь лёгкий укол боли в левом глазу — больше ничего.

На окровавленном лице Листчеса отразилось недоумение.

Затем кровь, стекавшая из семи пробоин его тела, вспыхнула, словно масло, алым пламенем.

Это был не жёлтый огонь, связанный с Драконом Света, а красный.

Вернее, даже не пламя, а свечение, вызванное испарением магии, — точно такое же, какое Линь видел несколько дней назад, когда Кроввирг Арабиан вонзал меч в грудь корневой дриады — на его клинке тоже горела алая магия.

Осознав что-то, Листчес обернулся — к той, кого прежде не замечал.

Худая котолюдка стояла на разостланной белой ткани. На ней был нарисован сложный ритуальный круг, выполненный из чёрной, проклятой крови. В левой руке она держала короткий меч с рубиновым навершием. Проведя лезвием крест на ладони правой руки, Яркитога стиснула окровавленной рукой сердце свиньи.

Сердце свиньи почти не отличалось от человеческого.

Этому экземпляру, хранившемуся в формалине уже несколько месяцев, хватило одного мига, чтобы забиться вновь — в тот момент, когда ритуальный круг под её ногами засветился. Затем сердце вспыхнуло пламенем, подожжённое кровью из её ладони.

То же алое магическое пламя охватило тело Листчеса. Он завопил, но не смог остановить магический огонь, который через раны проникал в его сердце.

Он не понимал — ведь не слышал ни единого слова молитвы.

И лишь за миг до того, как был полностью поглощён пламенем, в его почти расплавившемся мозгу мелькнуло осознание, кто перед ним.

«Безмолвный чтец» — Яркитога Драконли, ритуалистка, прославившаяся тем, что могла проводить ритуалы, не произнеся ни звука. Именно потому что в бою она творила ритуалы молча, культисты никогда не замечали, что эта безмолвная женщина — ритуалист; так котолюдка и получила своё имя.

Только она одна могла обучить ученика, который не просто сокращал молитвенные формулы, но и умудрялся упрощать сам ритуальный круг.

Выглядела она очень молодой — такой же, как её ученик: талантливая и юная...

Перед тем как окончательно исчезнуть, Листчес успел подумать об этом, бросил на неё последний взгляд, потом — на Линя, и только после этого обратился в пепел.

Аллет, укрывавшийся за спинкой кресла и закрывший голову руками, услышал, что вопли стихли, и осторожно выглянул.

— О-он... умер? — спросил он, его уши дрожали.

— Похоже на то... — Линь, прихрамывая, подошёл и осмотрел пепел.

— Что-то тут не так, — сказала Яркитога, в руках которой даже свиное сердце обратилось в прах. — Взгляд этого старого ублюдка в конце... был таким, будто он хотел сказать «я ещё вернусь».

— Вы, оказывается, умеете читать выражение у двух белых каменных шаров? — дёрнул уголком губ Линь.

— Просто так чувствовалось, вот и всё, — ответила она и, вспомнив о главном, отбросила короткий меч с рубиновым навершием, бросилась к двери зала Большого запечатывающего ритуала и приложила удостоверение к считывателю.

Линь распахнул глаза и прежде всего машинально подхватил меч, купленный наставницей не за счёт Инквизиции, а за собственные деньги. Он помнил, как она когда-то хвасталась этой покупкой и называла цену.

«Несколько лет зарплаты, чёрт побери!»

Но, ловя меч, он совсем забыл о том, что являлся тем, кто сам недавно попал в аварию, и шагнул вперёд прямо на вывихнутую ногу. Когда правая ступня коснулась пола, Линь зашипел от боли и едва не упал.

В тот момент его подхватила чья-то рука.

Держа рубиновый меч, темноволосый ритуалист обернулся — и увидел Аллета с пылающими от смущения щеками.

Линь:

— ?

«С чего это лис стесняется?»

Линю хотелось прямо сейчас найти зеркало и понять, что происходит у Аллета в голове, но Яркитога уже звала их в зал, и он коротко приказал:

— Поддержи меня.

— Что?! — пискнул Аллет.

Он ведь только из жалости помог — этот человек выглядел ужасно, без рубашки, весь в ссадинах, так что Аллету самому было неловко смотреть на его обнажённую грудь и спину.

«Хотя... что это у него нарисовано на груди и спине? Ритуальные знаки?»

Аллет покраснел ещё сильнее. Он хотел рассмотреть, но боялся, поэтому уставился в его лицо.

Бледные губы Линя холодно произнесли:

— Ты что, не слышал?

— ...

Аллет не осмелился возразить и, потупив взгляд, смиренно превратился в человеческий костыль.

Они вошли в зал Большого запечатывающего ритуала. Следов проникновения растений пока не было видно. Нарисованный, возможно, десятилетия назад ритуальный круг оставался чётким, как и вчерашний поисковый ритуал, проведённый Линем и Яркитогой. В центре круга находилась приклеенная к полу карта центрального отделения Инквизиции.

Карта слегка пожелтела, сверху на ней стоял крошечный игрушечный домик.

Вокруг, в форме пятиконечной звезды, на пяти вершинах лежали искусственные янтари. В первом янтаре была заключена муха, во втором — идеально сохранившийся белый цветок.

В третьем — перо, в четвёртом — глаз рыбы.

В пятом же — застывший в смоле человеческий палец ноги, с видимым красным срезом.

Палец, отрубленный у культиста.

Яркитого подошла к стоявшему в углу пластиковому ведру, сняла крышку, покачала его и убедилась, что содержимое всё ещё пригодно.

— Проверяют ведь каждую неделю... — не удержался Аллет, но тут же встретился с гневным

взглядом начальницы.

Линь с любопытством посмотрел на него:

— В школе тебе не объяснили, что спорить с преподавателем нельзя?

«Что? Этому тоже учат? Но ведь учителя у меня всегда были такими добрыми!..»

Пока Аллет недоумевал, Яркитоба крикнула:

— Держитесь у двери и не пускайте врагов во время ритуала!

— Понял, — ответил Линь.

— Д-да! — запоздало добавил дрожащим голосом Аллет.

Повернувшись к двери, молодой лисолюд ощутимо занервничал и уставился на коридор.

Линь, прислонившись к стене, вынул пустой магазин, вставил новый и спросил:

— Где твоя книга таинств и чемодан с материалами?

Аллет замер.

— А?

Потом сообразил — и побледнел.

Он ведь просто зашёл в кабинет начальницы, с чего бы ему тащить с собой тяжёлый чемодан?

— Наверное, в офисе остались, — растерянно сказал он.

— Почему ты не вспомнил о них, когда выходил? — вздохнул Линь. — Ладно, беги в комнату отдыха, возьми мой чемодан и книгу. Вот ключ от шкафчика — захвати ещё рубашку, холодно.

— ...Один?

— А с кем ещё? Быстро!

Линь толкнул его вперёд, и Аллет, подпрыгнув, чуть не споткнулся, потом, едва не плача, убежал.

Позади него Яркитога, стоя в центре круга, медленно выливая густой клей на игрушечный домик.

— О, Мастер Адгезии, заключи нас, как в смолу; отсеки нечистое, отсеки зло... — громко произносила она, а Линь тем временем размещал пистолетные обоймы там, где их будет проще достать.

Хотя за последние дни она едва ли могла успеть повторить слова ритуала, Яркитогу назначили новым директором не только из-за заслуг в прошлом.

Десятиминутное заклинание она произнесла без единой ошибки, без единой запинки, выдерживая правильный ритм и интонацию, пока не дошла до последней строки:

— Если он убьёт меня — пусть будет заточён здесь и не выйдет. Если я убью его — пусть этот мир замрёт, пока не придёт время пробуждения. А если нет — пусть мы сами станем недвижимыми фигурами в застывшем мире!

Пять искусственных янтарей на вершинах звезды поочерёдно вспыхнули, ритуальный круг засветился медово-золотым сиянием, пульсирующим по линиям.

Ритуал завершился успешно, но ни Яркитога, ни Линь не позволили себе расслабиться.

Запустить ритуал было делом несложным; трудности только начинались. Пока не поступит приказ от верховного инквизитора остановить процесс, Большой запечатывающий ритуал запрещалось прерывать. А значит, им предстояло держать оборону от любых нападающих.

Раздались приближающиеся шаги. Линь поднял пистолет — и, даже увидев Аллета, не опустил оружие.

Бежавший обратно лисолоуд тащил в одной руке свой чемодан, в другой — чемодан Линя, а под мышкой — несколько рубашек. Он выкрикнул, запыхавшийся и бледный:

— Беда! Там снаружи творится нечто ужасное!